

5. *Саверчанка І.* Апостал яднання і вери: Язэп Руцкі. Мн., 1994.
6. *Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи восточно-славянских народов в XVI – середине XVII вв. Мн., 1989.
7. *Tadeusz Żychiewicz.* Iosafat Kuncevicz. Kalvaria Zebrzydowska. 1986.

ИОСИФ БРОДСКИЙ И ДЖОН ДОНН: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

А. А. Мананкова

Цель данной работы – определить место интертекста в творчестве Джона Донна и Иосифа Бродского на примере их стихотворений на тему Рождества. Сам термин «интертекстуальность» ввела Ю. Кристева, считавшая, что «всякое слово (текст) есть... пересечение других слов (текстов)» [цит. по: 1, с. 333]. Не так давно возникло понятие «гипертекст», о котором Ю. Хартунг и Е. Брейдо писали в статье «Гипертекст как объект лингвистического анализа». Авторы цитируют А. Шрайца, который считал, что «гипертекст и обычный текст отличаются возможностями представления текстовой структуры. В печатном тексте структура имплицитна, а гипертекст дает практически неограниченные возможности ее экспликации. В обычной книге читатель в процессе коммуникации «достает» структуру из линейного текста, а в гипертексте ему нет надобности этим заниматься – она уже построена автором» [3, с. 64]. Отсюда следует, что любой художественный текст потенциально является гипертекстом. В самом деле, каждый текст, следы которого мы обнаруживаем в изучаемом произведении, может выступать по отношению к этому произведению как метатекст. Однако в случае с текстом, представленным линейным способом, именно от читателя зависит, какие связи эксплицировать, а какие игнорировать.

Теперь обратимся непосредственно к текстам двух великих поэтов. И у Джона Донна, и у Иосифа Бродского есть стихотворения, посвященные теме Рождества. У Донна это сонет «Nativity» («Рождество») из цикла «La Corona», а в лирике Бродского можно выделить несколько стихотворений, основанных на данном библейском сюжете. Н. И. Стрижевская в своей книге «Письмена перспективы» утверждала, что стихи и прозу Бродского «надо читать вместе, как единый текст» [2, с. 11]. Однако даже при рассмотрении рождественских мотивов в его лирике можно увидеть, что все стихотворения на эту тему пронизывают одни и те же образы, лейтмотивы, идеи. Стихотворения были написаны в разные годы, однако они, по сути являясь самостоятельными, поясняют друг друга, т.е. выступают по отношению друг к другу как метатексты. Поэтому можно сказать, что стихотворения Бродского о Рождестве являют-

ся гипертекстом. В данной работе мы более подробно рассмотрим стихотворение «Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере», однако будем обращаться и к другим стихотворениям. Интертекст, общий для обоих поэтов, – это Евангелие от Матфея и Евангелие от Луки, причем и Донн, и Бродский рассматривают их как дополняющие друг друга по информативности. Но если Донн гармонично соединяет в одно некоторые из упоминаемых там реалий и отбрасывает другие, то Бродский пытается представить евангельскую историю как парадигму с помощью парадигмы собственных стихотворений, в которых даются различные варианты событий.

Цикл Джона Донна «La Corona» интересен с точки зрения отношения к библейскому тексту и к самому себе. Все семь стихотворений цикла неразрывно связаны между собой. Каждое из них может служить своеобразной глоссой к любому другому. Здесь на первый план выступает не взаимозаменяемость, а сочетаемость. Это не значит, что текст не разрастается «в глубину». Он, как и любой другой текст, потенциально является гипертекстом, что и дает ему возможность множественности интерпретаций. Сам же этот текст является интертекстом по отношению к рождественским стихотворениям Бродского, что выявляется в общности многих мотивов у обоих поэтов. Идея повсеместности и бесконечности Бога – одна из главных идей религиозной поэзии Донна. Показательна уже первая строка сонета «Рождество»: «Immensity, cloistered in thy dear womb» (Бесконечность, замкнутая в твоём дорогом лоне). Эти мотивы нашли отражение и у Бродского. Можно ли утверждать, что они передались поэту именно через Джона Донна, сознательно или подсознательно – вопрос сложный. Очевидно одно: идея бесконечности и вездесущности Бога в «рождественском тексте» Бродского чрезвычайно сильна. Она реализуется специфично – через образы Отца и Сына. Отец смотрит на Сына с другого конца Вселенной и узнает в нём Себя. Таким образом, Отец и Сын – это уже единое существо, но поскольку они находятся на разных концах вселенной, то это существо и заполняет всю вселенную, является бесконечным. Эта христианская идея – отождествление Отца и Сына – также могла быть воспринята Бродским через посредство Донна. У английского поэта эта мысль выражается в строках «Was not His pity towards thee wondrous high, / That would have need to be pitied by thee?» (Не была ли Его жалость к тебе так удивительно велика, / Что Сам Он нуждался в твоей жалости?) Здесь нашёл воплощение один из основополагающих принципов эстетики барокко – *discordia concors* (соединение несоединимого, сочетание несочетаемого). В пользу этого утверждения говорят и примеры из других сонетов цикла, где очевидно подобное пе-

реворачивание, оксюморонность: «That All <...> / Which cannot sin, and yet all sins must bear, / Which cannot die, yet cannot choose but die» (Это все <...> / Что не может грешить, но должно нести на себе все грехи, / Что не может умереть, но не может не умереть).

В «рождественском тексте» Бродского большое значение имеет образ пустыни. Именно поэтому мотивы рождества и бегства в Египет у него смешиваются, сливаются. У Донна этот образ также имеет место. Обращаясь к своей душе, поэт говорит: «Kiss Him, and with Him into Egypt go» (Лобзай Его и иди с Ним в Египет). То есть предполагается некое духовное путешествие. Это подтверждается тем, что в пятом сонете цикла появляется образ, семантически близкий к образу души-пустыни: «Moist with one drop of Thy blood my dry soul» (Освежи одной каплей Твоей крови мою сухую (жаждущую) душу). Не исключено, что это восходит к библейскому «глас вопиющего в пустыне». Так или иначе, Бродскому этот образ передался, очевидно, посредством поэзии Донна. Но русский поэт, как обычно, интерпретировал его по-своему. В пустыне рождается Сын Божий, и Бог смотрит на Него и знает, что Ему предстоит, но Сам он находится в той же пустыне людской бездуховности, одинок и не может ничего изменить. У Донна все далеко не так безнадежно. Вера в грядущее Спасение, в «последний вечный день» видна и в сонете «Рождество». Последняя его строка говорит о Матери, «хранящей от невзгод», с которой душе будет не так тяжело переносить путешествие в Египет.

Здесь можно заметить и еще одну параллель. Бродский, как и Донн, связывает евангельские события с современностью. У английского поэта это выражается при помощи обращения к своей душе: «See'st thou, my soul» (Смотри, ты, моя душа). У Иосифа Бродского фактически происходит то же самое. Он говорит неведомому собеседнику: «Представь...» Очевидно, этим собеседником и является душа поэта. Он пытается связывать теперешние реалии, предметы, которые он видит (щели в полу, посуда, спичка) с реалиями, описанными в Библии. В рассматриваемом стихотворении есть строки: «Младенец покамест не заработал / на колокол с эхом в сгустившейся сини». Самому Бродскому и русскому читателю вообще Донн стал известен именно благодаря цитате, использованной Э. Хемингуэем в качестве эпиграфа к роману «По ком звонит колокол». Образ колокола, ассоциирующийся с Джоном Донном и его идеей всеединства, нашел отражение в одном из рождественских стихотворений Бродского, что говорит о несомненной связи этих текстов.

Литература

1. *Можейко М. А.* Интертекстуальность // Постмодернизм: Энциклопедия / Сост. и научн. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Мн., 2001.

2. *Стрижевская Н. И.* Письмена перспективы: о поэзии Иосифа Бродского. М., 1997.
3. *Хартунг Ю., Брейдо Е.* Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1996. № 3.

ІДЭЯ ЗЯМЛІ Ў КАНТЭКСЦЕ ПРАБЛЕМ СУЧАСНАГА ЖЫЦЦЯ (НА МАТЭРЫЯЛЕ КНІГІ М. МАЛЯЎКІ «СТАРАЯ ЗЯМЛЯ»)

Т. І. Мойса

Ідэя і канцэпцыя зямлі займаюць вызначальнае месца ў творчасці такіх сусветна вядомых майстроў слова, як К. Гамсун, А. дэ Бальзак, Э. Заля, У. Фолкнер, М. Мітчэл, Г. Успенскі, Л. Талстой і інш. У беларускай літаратуры актуалізаваная ідэя ярка выражана ў паэме Я. Коласа «Новая зямля», у прозе К. Чорнага (асабліва ў раманах «Зямля», «Бацькаўшчына»). Ю. С. Пшыркоў піша: «Вопыт Я. Коласа вучыць, што развіваць традыцыі мінулага азначае быць наватарам, чулым рэзанатарам часу, смелым і паслядоўным адкрывальнікам новых шляхоў у мастацтве» [4; 169]. Невыпадкова, працягваючы класічную традыцыю, М. Маляўка стварыў кнігу «Старая зямля», напаўняючы яе тэкставую прастору санетамі, якія з'яўляюцца даўняй вершаванай формай, узнікненне якой канстатуе XIII ст.

Бадай што кожны ведае пра санет як пра чатырнаццацірадовік з вызначанай рыфмоўкай. Можна згадаць і пра вянок (і вянок вяноў) санетаў. М. Маляўка даў наступны падзагалавак сваёй кнізе: «Санеты спавітыя дзеразой». Менавіта з гэтай расліны ў часы маленства і юнацтва паэта плялі вянкi для разнастайных урачыстсцяў. І з класічных форм – санетаў (акрамя вершаў «Коласаў шлях» і «Мікалаўскі вагон») складаецца своеасаблівы «вянок» дзеля ўшанавання, увекавечвання Мікалаеўшчыны – роднай вёскі паэта. Ці ж толькі малой радзімай яна для яго з'яўляецца? Гэта па сутнасці тое малое-вялікае, што называецца нацыянальным вобразам свету. Таму лёс адной вёскі, прасочаны ў «Старой зямлі», успрымаецца як лёс Беларусі.

У зборніку супрацьпастаўлены два часавыя пласты – мінуўшчына і сучаснасць. Так, як ні сумна і горка, мінулі для Мікалаеўшчыны найлепшыя часіны. Цесляры, кавалі, хлебаробы, асветнікі... Іх ужо меншае.

З побытам і светам працоўных клопатаў былі здаўна звязаны міфалагічныя ўяўленні беларусаў-мікалаеўцаў. Калісьці, гаворыць паэт, адзін жыхар капаў студні, крыніцы, тым самым пранікаючы ў іншы сакральны свет. Пра русалак ён даведаўся ў дзяцінстве ад маці. Трэба заўважыць, мясціны, дзе прайшлі лепшыя гады М. Маляўкі, багатыя на